

М. М. Богословский

**Земское самоуправление на
Русском Севере в XVII в.**

**Том 2. Деятельность земского
мира. Земство и государство**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 340
ББК 67.0
М11

М. М. Богословский
М11 Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.: Том 2. Деятельность земского мира. Земство и государство / М. М. Богословский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 392 с.

ISBN 978-5-518-05987-0

Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете. Издание Московского и Румянцевского музея.

ISBN 978-5-518-05987-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Глава I.

Волость, какъ поземельная община

Волость въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка надо представлять себѣ въ двоякомъ видѣ: это—или только вѣншній административно-географическій округъ, не имѣющій никакой внутренней общественной организаціи; или же это—общественный союзъ, „міръ“ на языкѣ XVII вѣка, „земство“ на нашемъ современномъ языкѣ. Въ первомъ случаѣ волость только территорія, ограниченная нѣкоторыми географическими предѣлами ради какихъ либо административныхъ цѣлей; во второмъ она—общественное цѣлое, живой общественный организмъ. Волости-округа съ несвязанными взаимно элементами населенія мы встрѣчаемъ въ XVII в. преимущественно въ центральномъ районѣ Московскаго государства, гдѣ въ составъ волости входятъ разобщенныя между собою служилыя и церковныя земли. Волость-міръ, общественное цѣлое, преобладаетъ на поморскомъ сѣверѣ съ его болѣе однородною государственною „черною“ землею и съ его болѣе единымъ по составу „черносошнымъ“ крестьянскимъ населеніемъ.

Волость-округъ — только механическое дѣленіе, проводимое ради какихъ либо административныхъ соображеній и удобствъ, напр. для писцовыхъ описаній, для регистраціи казенныхъ сборовъ и т. п. Поэтому нельзя говорить о жизни и дѣятельности этой волости. Наоборотъ, волость-міръ, какъ организмъ, живетъ и дѣйствуетъ. Изученіемъ этой дѣятельности мы и должны теперь заняться.

Въ дѣятельности волости-мира надо различать двѣ стороны: во-первыхъ, удовлетвореніе потребностей и интересовъ составлявшаго ее общества и, во-вторыхъ, съ тѣхъ поръ, какъ государство приспособило волость-міръ для своихъ цѣлей — удовлетвореніе требованій, предъявляемыхъ къ ней государствомъ. Потребности и интересы самого волостного общества въ XVII в. были немногочисленны и несложны, хотя все же они были не только матеріальнаго, хозяйственнаго, но и духовнаго порядка. Волость-міръ бывала нерѣдко союзомъ, владѣвшимъ общимъ имуществомъ и сообща предпринимавшимъ разнаго рода хозяйственныя операціи; она выступала защитницей общихъ интересовъ на судѣ; она предстательствовала за эти интересы передъ государствомъ, обращаясь къ нему съ ходатайствами. Наконецъ, религіозные свои интересы она удовлетворяла, совпадая въ значительномъ количествѣ случаевъ съ церковнымъ приходомъ.

Государство наложило на волость обязанности: сбора податей и судебно-полицейскаго управленія, и волость для исполненія обѣихъ обязанностей должна была поставлять выборныхъ изъ своей среды агентовъ. Такимъ образомъ волость вдвинулась, какъ часть, въ машину государственнаго управленія; но, входя въ составъ этой машины, волость продолжала сохранять свое значеніе и свою конструкцію организованнаго общественнаго союза. Представляя изъ себя общественный союзъ, она отправляла государственныя финансовыя и судебно-полицейскія дѣла. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, и въ финансовомъ, и въ судебно-полицейскомъ, она была связана крѣпкою круговою порукой, платя подати за недоимчивовъ, ловя преступниковъ и разверстывая между своими членами платежи выры въ случаѣ совершившагося на ея территоріи убійства. На эту круговую поруку, которою была связана, выступая передъ государствомъ, волость, нельзя смотрѣть только какъ на вѣшній стягивающій обручъ, насильственно наложенный государствомъ; въ ней можно видѣть также проявленіе того внутренняго единства, той солидарности, которая связывала „міръ“ изстари.

Мы и рассмотримъ теперь каждый изъ этихъ двухъ видовъ дѣятельности волостного міра: во-первыхъ, ту ея дѣятельность, которая удовлетворяла собственные интересы міра; во-вторыхъ, ту, которая шла на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Начнемъ съ волости, какъ хозяйственнаго союза.

Волостное общество переплетено хозяйственными отношеніями. Составляющія волость сѣверныя деревни связывались между собою не только единствомъ мѣстоположенія, равно какъ и ихъ владѣльцы были соединены другъ съ другомъ не только своею принадлежностью къ волостному обществу. Деревни не были особыми, отдѣльными одна отъ другой единицами, порознь, независимо одна отъ другой, входившими въ составъ волости, объединенными только волостью. Между отдѣльными деревнями существовали связи, смыкавшія ихъ по двѣ, по три и въ болѣе многочисленныя группы. Эти связи имѣли хозяйственный характеръ и заключались въ совмѣстномъ пользованіи угодьями, общими для двухъ или нѣсколькихъ деревень. Между деревнями можно замѣтить тѣ же совладѣльческія складническія отношенія, которыя въ одной деревнѣ можно наблюдать между отдѣльными дворами или во дворѣ между отдѣльными семьями. Между-деревенское совладѣніе угодьями могло быть или слѣдствіемъ отвода общаго угодья къ группѣ деревень писцами, надѣлявшими деревни угодьями, или результатомъ складническаго договора, какъ между единоличными владѣльцами деревень, такъ и между вступившими въ договоръ деревенскими складническими группами. Такимъ образомъ, двѣ или болѣе складническія группы, владѣвшія каждою деревней, могли, сложившись, приобрести на общія средства какое либо угодье, напр. лугъ, выгонъ и по совладѣнію этимъ угодьемъ составляли уже новую сложную складническую группу. Тѣснота, въ которой въ иныхъ уѣздахъ, какъ напр. въ Двинскомъ, размѣщены были деревни по берегу рѣки, содѣйствовала развитію такихъ междудеревенскихъ

складническихъ отношеній и даже дѣлала ихъ неизбежными¹⁾). Очень нерѣдко писецъ отводитъ нѣсколькимъ деревнямъ общій лѣсъ. Особенно часты были случаи междудеревенскаго совладѣнія рѣчками, по которымъ располагались деревни. „А угодье у двухъ деревень, у Глотаевской да у Котовальской рѣчка Глотовица“. читаемъ мы въ одномъ поземельномъ дѣлѣ складниковъ деревни Котовальской въ Устьянскоѣ Чадромскоѣ волости²⁾). Но встрѣчаемъ также постоянно случаи совладѣнія сѣновосами и пашнею. Въ Вилегодскоѣ, напр., волости Сольвычегодскаго уѣзда стояли рядомъ двѣ деревни, носившія одинаковыя названія: Чешкова гора и Другая Чешкова гора. Не только лѣса, сѣновосы и выгонъ у этихъ деревень были общими, но и поля ихъ были расположены въ однихъ участкахъ, такъ что дворохозяева обѣихъ владѣли въ нихъ полосами череполосно: „деревья Чешкова гора“, говоритъ описывающая ее писцовая книга Сольвычегодскаго уѣзда 1620-хъ годовъ, „а въ ней дворы и люди, и пашня писано подъ деревнею Другіе Чешковы горы, потому что пашня у нихъ во всѣхъ поляхъ черезъ полосу“³⁾). Въ Чаюльскоѣ волости Кеврольскаго уѣзда писцовая книга 1623 г. показываетъ среди оброчныхъ угодій сѣнокошъ на новой присадкѣ, находящейся во владѣніи „Вѣйгорскихъ шести деревень за всѣми крестьяни“⁴⁾. Тамъ же крестьяне пяти деревень совладѣютъ оброчнымъ сѣннымъ повосомъ Островкомъ⁵⁾). Въ Двинскомъ уѣздѣ въ Заостровскоѣ волости по писцовой 1622—24 гг. крестьяне семи деревень владѣютъ сообща „пустымъ мѣстомъ“ при впадѣніи рѣчки Заостровки въ Двину, затѣмъ по Двинѣ лѣсомъ, пригоднымъ для расчистки и рыбными ловлями, платя за всѣ эти угодья оброку 6 алтынъ и 4 деньги⁶⁾). Благодаря такому совладѣнію общими землями и угодьями, между деревнями могли возникать вопросы о „дѣлѣ“, т. е. о передѣлѣ этихъ земель подобно тому, какъ они возникали внутри деревни между складниками-одводеревенцами. У деревень: Чужемскаго Раменья съ одной стороны и Огибаловскоѣ съ другой въ Тавельскоѣ волости Чарондскоѣ округи были общій выгонъ и сѣнные покосы. Крестьянинъ первой Ив. Струнинъ жаловался на крестьянъ второй Ив. и Т. Коначинныхъ и И. Еремина въ томъ, что они „пашутъ землю въ покосахъ полянхъ и отхожія запольныя пашни и въ сѣнныхъ покосахъ владѣютъ безъ тѣлу и не по тѣлу“ и просилъ обязать ихъ съ нимъ „по повѣтью (т. е. по владѣльческимъ долямъ) и по тѣлу подѣлить, гдѣ что ни есть въ полянкахъ и въ припашахъ, и въ сѣнныхъ повосахъ“⁶⁾). Въ Устьянскихъ волостяхъ въ Введенскомъ стану десять деревень владѣли по рѣчкѣ Верюгѣ поянлями, наволоками и причистями. Крестьянинъ одной

¹⁾ П. Ивановъ, Поземельные союзы и передѣлы. Труды Археогр. Ком. Моск. Арх. Общ. I, стр. 228.

²⁾ Приказныя дѣла въ московскомъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ, 1631 № 44. Ср. часть I настоящей книги, стр. 166—167.

³⁾ Московскій архивъ мин. юстиціи, писц. кн. 446, л. 700.

⁴⁾ Арх. мин. юст., писц. книга 185, л. 172 об., 174.

⁵⁾ Арх. мин. юст., писц. кн. 9, л. 506.

⁶⁾ Пр. Д. 1628 № 13.

изъ нихъ, деревни Веригинской, жалуются на то, что остальные девять деревень, каждая изъ которыхъ была въ свою очередь складническимъ союзомъ — владѣютъ „не повѣтно и не по сотной грамотѣ, а съ нами, Веригинской деревней, поженъ и наволовожь, и причистой повѣтно и по сотной грамотѣ не верстаютъ“¹⁾. Создавалась тонкая запутанная сѣть, настоящая паутина деревенскихъ и междудеревенскихъ совладѣльческихъ отношеній. Деревня по одному угодыю могла входить въ одинъ совладѣльческій союзъ, по другимъ въ другіе, болѣе или менѣе сложные. Деревня А могла по совладѣнію рѣкой входить въ союзъ съ деревней В, по совладѣнію отведеннымъ имъ общимъ лѣсомъ съ деревнями В и С и кромѣ того, съ деревнями Д и Е могла приобрести общій выгонъ. Совладѣніе общими угодыями, соединяло по нѣскольку деревень въ группы, связывало мелкія единицы, волостки и улусцы, обозначавшіеся въ волостяхъ и скрѣпляло ихъ хозяйственной связью. И самые эти волостки и улусцы связывались взаимно такимъ же совладѣніемъ. Такимъ образомъ деревни входили въ составъ волости не въ разсѣянномъ видѣ, не по одиночкѣ, а группами разныхъ величинъ, и эти группы переплетались между собою совладѣльческими нитями—явленіе, которое еще и въ XIX в. можно наблюдать на Сѣверѣ. „Самую характерную черту современной общины государственныхъ крестьянъ на Сѣверѣ“, говоритъ изслѣдователь этой общины, „составляютъ повсемѣстные факты череполоснаго и общаго владѣнія со стороны нѣсколькихъ селеній разнаго рода угодыями: лѣсомъ, выгономъ, покосомъ и т. п. Въ большинствѣ волостей, населенныхъ государственными крестьянами, въ настоящее время не трудно отыскать такіе случаи, когда нѣсколько селеній, а иногда и цѣлая волость, состоящая изъ нѣсколькихъ десятковъ деревень, владѣютъ сообща нѣкоторыми земельными участками“²⁾.

Но сама волость, какъ общество-мѣръ, въ какомъ смыслѣ была хозяйственнымъ союзомъ? Служила ли она только внѣшнимъ механическимъ объединеніемъ указанныхъ выше мелкихъ хозяйственныхъ группъ, или и сама, какъ цѣлое, была субъектомъ вещныхъ правъ и, владѣя имуществомъ, предпринимала съ нимъ гаже хозяйственные операціи. Здѣсь мы неизбежно подходимъ къ знаменитому вопросу о томъ, была ли волость *земельною* общиною. Попытаемся представить нѣкоторые данныя для его рѣшенія. Прежде всего замѣтимъ, что сѣверная волость въ XVII в. не была собственницей земли, входившей въ составъ ея территоріи. Право собственности на эту землю принадлежало государству, если земля была черною, или государю лично, если она была дворцовою, монастырю или свѣтскому землевладѣльцу, если земля была монастырскою или частновладѣльческою крупною вотчиною, охватывавшею цѣлую волость³⁾. Право собственности государства на черную землю сознавалось и указывалось самими волостными мѣ-

1) Пр. Д. 1628 № 72.

2) *Щенотевъ*, Законодательство и старинныя формы землевладѣнія на Сѣверѣ. Сѣверный Вѣстникъ 1886 г., II, 82.

3) I, главы IV—VII.

рами¹⁾. Такимъ образомъ, во всякомъ случаѣ сѣверная волость не была поземельной общиной на собственной землѣ. Но если такъ, то не была ли она все таки поземельною общиною на чужой землѣ, черной, церковной или частновладѣльческой?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо припомнить, что право волостного міра не распространялось на отдѣльные деревенскіе участки. Въ черныхъ земляхъ они принадлежали отдѣльнымъ лицамъ на правѣ владѣнія, которое отличалось отъ собственности только тѣмъ, что государство могло жаловать эти участки вмѣстѣ съ ихъ владѣльцами третьимъ лицамъ. Во всемъ остальномъ права владѣльцевъ черныхъ деревень на ихъ земли ничѣмъ не были ограничены, и они совершенно свободно распоряжаются деревнями и отчуждаютъ ихъ крестьянамъ, принадлежащимъ къ составу другихъ волостей и даже совсѣмъ не крестьянамъ, а лицамъ другихъ сословій, безъ всякаго контроля со стороны волостного міра. Волость въ распоряженіе деревенскими участками не вмѣшивается. При наличности владѣльцевъ деревень волость никогда этими деревнями не распорядается и вообще никакого отношенія къ нимъ не проявляетъ. Эта собственность сѣверныхъ крестьянъ на ихъ участки возникла въ значительной мѣрѣ изъ захвата, займки пустыхъ, никому не принадлежащихъ земель и затѣмъ укрѣплялась многократнымъ наследованіемъ ихъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Захватное право дѣйствуетъ на Сѣверѣ еще и въ XVII вѣкѣ, а въ иныхъ мѣстахъ, напр. въ Заонежѣ даже и господствуетъ.

Такимъ образомъ, волость XVII вѣка не можетъ быть названа поземельной общиной, такъ какъ ея права не простираются на отдѣльные деревенскіе участки ея членовъ. Волость, какъ корпорація, является лишь совокупностью владѣльцевъ деревень, а не единымъ субъектомъ владѣнія землею этихъ деревень, не обществомъ, всѣ члены котораго имѣютъ равное право въ общемъ имуществѣ. Словомъ, по отношенію къ деревенской землѣ она не подходитъ подъ опредѣленіе поземельной общины, какъ коллективнаго субъекта владѣнія, въ которомъ отдѣльнымъ членамъ принадлежитъ лишь пользованіе общимъ имуществомъ и въ которомъ права каждаго изъ составляющихъ его членовъ на общее имущество совершенно равны правамъ каждаго другого члена. Поземельной общиной на государственной землѣ сѣверная волость стала только со второй половины XVIII вѣка, когда межевыми инструкціями 1754 и 1766 г. было отмѣнено право отдѣльныхъ крестьянъ распорядиться своими участками и даже наследованіе этихъ участковъ. Последніе, по смерти ихъ владѣльцевъ, должны были переходить въ составъ имущества волостной общины, которая и распоряджалась ими. Волость тогда сдѣлалась субъектомъ владѣнія отмежеванной къ ней территории, за отдѣльными же крестьянами было оставлено лишь пользованіе давними отъ волости участками, полученное съ начала XIX, со введеніемъ въ этихъ волостныхъ общинахъ земельныхъ передѣловъ—уравнительно-передѣльную форму.

¹⁾ Тамъ же, стр. 56.

Но если о волости XVII вѣка нельзя еще говорить, какъ о поселенной общинѣ въ строгомъ смыслѣ этого слова, то все же въ ней можно найти вѣкоторые элементы общиннаго владѣнія. Прежде всего такой элементъ можно видѣть въ принадлежащемъ волости правѣ распоряженія выморочными и покинутыми земельными участками: долями деревень и пустошами, которыя брошены ихъ неизвѣстно куда сврвывшимися владѣльцами, повинуты „въ міръ“ и лежатъ „въ міру“ по выраженію автовъ. Въ первое лѣто послѣ ухода владѣльцевъ волость и хозяйничаетъ на этихъ участкахъ, собираетъ хлѣбъ и сѣно¹⁾.

¹⁾ Впрочемъ такое хозяйничанье падаетъ на нее, какъ обязанность, по распоряженію правительственной власти, въ частности—писцовъ во время описанія уѣзда. Напр. Пр. Д. 1645 № 42: „Лѣта 7153 г. августа въ 13 д. По государеву указу памль Ношульскаго приходу цѣловальнику Степану Харитонову да выборнымъ цѣловальникомъ Пронкѣ Денисову да Ивашку Шульпову, да Мофѣйку Кузьмину и всѣмъ крестьянамъ: велѣти имъ деревни Климовской умершаго крестьянина Савки Трифонова рожъ пожать *вспль приходомъ*, а пожавъ снетчи снопами, сколько будетъ сотницъ сноповъ, велѣтъ скласть въ копну и укрыть гораздо, чтобы дождемъ не набило и съ исподу-бъ не подмочило и велѣтъ тотъ хлѣбъ обмолотить, а по умолоту того хлѣба, сколько четвертей будетъ изъ государеву мѣру, и тотъ хлѣбъ вспать въ житницу и приказать беречь до государева указу, и прислать тому хлѣбу роспись къ писцомъ къ Богдану Герасимовичу Приклонскому да къ подъячму Осипу Трофимову. Къ сей памяти Богданъ Герасимовичъ печать свою приложилъ“. Ibid. л. 11. „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой Соли Бычегодской уѣзда Ученкой волости земской цѣловальничшко Якувъ Васильевъ и во всѣхъ крестьянишехъ мѣсто. Въ нынѣшнемъ, государь, во 153 г. въ Ученкой волости многіе крестьянишка тяглыя деревни свои пашню съ насильною рожью и съ сѣнными покосами впустѣ пометали, а сами они съ женами своими и съ дѣтьми разбрелись врознь по городамъ для хлѣбнаго недороду, а твоихъ государевыхъ четвертныхъ доходовъ и всякіе усольскіе отпуски, и по мірскимъ разводамъ съ своихъ деревнишекъ не платили. Милосердый государь.... вели, государь, въ томъ дѣлѣ свой царской указъ учинить, чтобъ, государь, тѣ пустотныя деревнишки, которыи впустѣ пометаны къ нынѣшнему 153 году съ насильною рожью и съ сѣнными покосы даромъ не пропало и чтобъ скотомъ стравлену не быть. Царь, государь, смилуйся. Ibid. л. 12. Отвѣтная память отъ писцовъ: „7153 г. іюля 27 д.: „И земскому цѣловальнику Якушку Васильеву и всѣмъ крестьянамъ тотъ пометной хлѣбъ велѣтъ пожать, и, сколько на которомъ жеребью будетъ пожину сотницъ сноповъ, и тотъ хлѣбъ скласти въ копну. Да и сѣнные покосы тѣхъ жеребей и иныхъ пустыхъ жеребьевъ и тѣ сѣнные покосы отдавать косить изъ найму охочимъ людямъ, чтобъ тѣ сѣнные покосы впустѣ не были. А что того хлѣба на которомъ пустомъ жеребью будетъ и сѣнныхъ покосовъ кому отдадутъ, и та роспись прислать за руками къ писцамъ къ Богдану Герасимовичу Приклонскому да къ подъячму Осипу Трофимову“. Ibid. лл. 13—14. Царькурное распоряженіе писцовъ по всему уѣзду о томъ же. „Лѣта 7153 г. авг. 5. По государеву... указу въ Усольской уѣздѣ въ станы и въ волости, и во всѣ приходы земскимъ судейкамъ и старостамъ, и цѣловальникомъ, и всѣмъ крестьяномъ“.

Но обыкновенно волость старается сдать эти участки новымъ жильцамъ, побуждаемая къ тому, разумѣется, стремленіемъ приобрести новаго соучастника въ отбываніи тѣла, которое приходилось нести съ броневаго участка. Когда находится охотникъ снять такой участокъ, отдѣльное лицо или товарищество, волость по его просьбѣ, обращенной къ ней, а иногда по распоряженію правительственной власти, если къ этой послѣдней направлена была просьба, выдаетъ ему на владѣніе участкомъ особый документъ, „данную“, которая служитъ такимъ образомъ и актомъ принятія лица или группы лицъ въ составъ волостного общества, и документомъ на владѣніе землею¹⁾.

Остановимся нѣкоторое время на анализѣ этихъ „данныхъ“, значительное число которыхъ сохранилось. Данная пишется отъ лица волостного міра: „се язъ староста“ или другой представитель выборной мірской власти да крестьяне такіе-то, указанные поименно, „да и всѣ крестьяне такой то волости отдали есми“ и т. д. Въ данной опредѣляется далѣе составъ отдаваемаго деревенскаго участка или пустоши, принадлежація къ участку угодья и окружающія его межи, напр.: „и мы тотъ жеребій деревни отдали съ полями, и съ пожнями, и съ поскотиною, и съ запольи, что къ тому жеребью изстари потягло; а межи тое деревни по старымъ межамъ“. Затѣмъ перечисляются условия, на которыхъ отдается участокъ.

¹⁾ Пр. Д. 1649 № 45. „Списокъ съ данной. Се язъ Царевскіе волости земской цѣловальникъ Третьякъ Ивановъ сынъ Сажинъ да крестьяне (41 человекъ), да и всѣ крестьяне Царевскіе волости дали есми по государеву указу и по подписной челобитной воеводы Якимъ Васильевича Тарбѣва Царевскіе волости въ деревнѣ Коровинской другою надатую доль деревни Коровинскіе Шумиловское повытье изъ пуста въ жило тоезъ Царевскіе волости крестьянину Якову Тимоееву сыну Зуеву и съ дворовой землею безъ хоромъ. А отдали мы, мірскіе люди, то Шумиловское повытье другою надатую доль деревни Коровинскіе нынѣшняго 157 году апрѣля съ 8 числа къ внешней пашнѣ голую землю съ пашнею и съ сѣнными покосы на льготу съ нынѣшняго со 157 году апрѣля съ 8 числа да по 162 годъ апрѣля по 8-ое жъ число. А въ тѣ льготные годы платить ему, Якову, вытныи оброкъ, данныи и оброчныи денги, по чему доведется на годъ. И какъ льготные годы отойдутъ, и ему, Якову, платить вслѣкъ государевы подати и мірскіе разметы съ міромъ врьдъ. А отдали мы мірскіе люди то повытье со всѣмъ угодьемъ, кудѣ ходилъ плугъ и соха, и топоръ, и коса и съ отхожими пашнями и пожнями, и съ рѣчными езовица, и съ лѣсными путиги, что къ тому повытью изстари угодья подано. И безъ жилища ему, Якову, того повыття въ міръ не покинуть. А жити ему, Якову, на томъ повытьѣ на верху жильцомъ и пашни пахать не находомъ. Въ томъ ему, Якову, міромъ и данную дали. А данную писалъ по мірскому велѣнію Царевскіе волости земской дьячекъ Оверка Истоминаской. Лѣта 7157 апрѣля въ 8 день“. На оборотѣ данной 5 рукоприкладствъ. Арх. мин. юст. Грам. Коллег. Экон. Устюжск. у. № 13419: данная Сухопостовской волости Комарицкаго ст. Устюжск. уѣзда Прилуцкому монастырю на полдеревни Долматовской, владѣлецъ которой „изъ тое своеи деревни выбѣжалъ вонъ со всей своей семьей въ прошломъ во 154 г. и тотъ свой жеребей покинулъ съ насимымъ хлѣбомъ съ рожию и съ яровымъ“.

Въ однихъ случаяхъ земля отдается „вѣчно“¹⁾; но чаще говорится въ дьянхъ, что она отдается „до вочича“, т. е. до возвращенія ея настоящаго собственника, и если такой вочичъ выщется и станетъ за нее „приматься“, то владѣлецъ, получившій землю по данной, обязанъ возвратитъ ее вочичу. Въ сентябрѣ 1594 г. мѣръ Утмановской волости отдалъ вѣбюему Федору Семенову Подгорбунскому пустошь Берниевскій починокъ, а Паняовщина тожъ на рѣкѣ Падангѣ. Мѣръ въ данной упоминалъ, что „пуста та пустошь лѣтъ пятьдесятъ и больше“ и поросла уже „лѣсомъ большимъ въ бревно“. Однако, все-таки, несмотря на такой большой промежутокъ времени съ той поры, какъ пустошь была заброшена ея прежнимъ владѣльцемъ, въ данной предусматривается появленіе стараго „вочича“, которому новый владѣлецъ обязанъ пустошь уступить²⁾. Въ случаѣ появленія вочича и возвращенія ему участка, новый владѣлецъ имѣетъ право требовать съ вочича вознагражденія за произведенныя улучшенія, за построенныя хоромы, за дворовыя подѣлки, за роспашу, за подѣлки въ „огородахъ“ и „осѣкахъ“, огражденія полей, за рощисти сѣнныхъ покосовъ по оцѣнѣ, производимой мѣромъ, „во что мѣромъ оцѣнять“. Если участокъ отдается со льготой на первое время отъ податей, указывается срокъ льготы; если отдается пустошь съ обязательствомъ ее распашать и построить дворъ, то указывается срокъ для распашки и построекъ подъ опасеніемъ неустойки, идущей въ пользу волости. По минованіи срока льготы, сѣмщикъ участка обязуется нести государственныя и мѣрскія повинности „съ крестьяны въ рядъ“ по той единицѣ обложенія, въ какой значится его участокъ впредь до новаго обложенія, а затѣмъ съ этою „новаго рубежу“ платить, „чѣмъ его мѣромъ обложить“ или „пожалуютъ“.

Въ вѣботорыхъ данныхъ содержатся также условія относительно права сѣмщика на распоряженіе святою землею, причемъ въ однихъ сѣмщику такое право дается³⁾; по другимъ наоборотъ онъ не можетъ полученнаго

¹⁾ Грам. Коллег. Эконом. Устюжск. у. № 13.600.

²⁾ Пр. Д. 1650 № 30.

³⁾ Пр. Д. 1557—1634. „И на ту пустошь мы Есскія волости Пырскіи Едомы всѣ крестьяне Клементью да Ивану, да Борису и данную дали, что имъ тою пустошью владѣти безпечно и продати, и заложити“. Пр. Д. 1624 № 8. „Отъ цари и великаго князя, Михаила Федоровича... къ Соли Вычегодской писцомъ нашимъ Царевню Микифоровичу Мансурову да подьячему Василью Архипову. Писали есте къ намъ, что бьютъ челомъ намъ, а къ вамъ приходять съ челобитными Усольскаго уѣзда крестьяне, которые въ прошлыхъ годѣхъ замолодали отъ бѣдности и бродили по другимъ городамъ. А деревни свои купленныя металы впусти И тѣ деревни безъ нихъ мѣрскіе люди отдали крестьянамъ изъ тягла и данныя имъ давали, что имъ въ тѣхъ деревняхъ жити, и пашни пахати, и дворы ставити, и наши всякія подати и мѣрскіе разматы платити съ волостью вмѣстѣ. А будетъ выщется кто на которую деревню вочичъ и тѣмъ вочичникамъ тѣ деревни отдавати назадъ, а что хоромъ прибавитъ, или пашню распашутъ, и за то въ тѣхъ данныхъ писано имати на тѣхъ

участка ни продать, ни заложить, такъ какъ по данной участокъ уступается только во временное владѣніе, до вотчина¹⁾. Очень часто съемщикъ обязуется снятый участокъ не покидать, не подыскивать новаго жильца на свое мѣсто: деревню или пустошь „въ міръ не покинуть“, „въ міръ не отказать“.

Обыкновенно данная имѣетъ форму односторонняго акта; это—какъ бы актъ пожалованія міромъ съемщика. Данная утверждала за послѣднимъ право на владѣніе землею, хотя затѣмъ большая часть ея содержанія наполнена перечисленіемъ не правъ, а обязанностей съемщика. На дѣлѣ, однако, волясть, сдавая участокъ, совершала не пожалованіе, а заключала со съемщикомъ договоръ. Получая отъ волостного міра данную, съемщикъ съ своей стороны выдавалъ волости „запись“ съ перечисленіемъ своихъ обязательствъ, а кромѣ того еще „поручную запись“, съ гарантіей подысканныхъ имъ поручителей въ исполненіи имъ этихъ обязательствъ²⁾. Иногда и самая данная принимаетъ форму двусторонняго договора, между волостнымъ міромъ и съемщикомъ участка³⁾.

Итакъ, бросаемые участки покидаются „въ міръ“; міръ въ цѣломъ становится субъектомъ права на эти участки и, какъ юридическое лицо, вступаетъ по нимъ въ договоры. Но часто эти права міра временны; они принадлежатъ ему только до появленія собственниковъ участковъ и съ появленіемъ ихъ исчезаютъ. Это не право собственности міра на покинутые участки, а только право временнаго владѣнія, которое міръ и уступаетъ другимъ лицамъ. Данная служитъ актомъ передачи правъ міра; съ момента ея совершенія міръ теряетъ свое право на сдавную деревню или пустошь. Если въ иныхъ данныхъ ограничивается право съемщика продавать и закладывать землю, то это ограниченіе вызывается не стремленіемъ оставить отданный участокъ подъ контролемъ міра, а желаніемъ избѣгать тѣхъ осложнений и столкновеній, какія создавались съ появленіемъ вотчина, земля котораго была сдана волостью и затѣмъ переходила

вотчинникахъ деньгами по 15 и по 20 руб., и больша. И тѣ крестьяне по тѣмъ мірскимъ даннымъ, подержавъ за собою тѣ деревни года два или три, испродали“.

¹⁾ Пр. Д. 1655 № 55. „Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой Тотемскаго уѣзда Стрѣлицкіе волости крестьянишко Федюнка Яковлевъ сынъ Киприяновской. Въ прошломъ, государь, во 160 г. дали, государь, они Стрѣлицкіе волости крестьяна всѣмъ міромъ мнѣ, сиротѣ, въ той же Стрѣлицкой волости пустую деревню Иванчевицу изъ пуста въ жило на льготу на два года со всѣмъ угодьемъ и мірскую данную на тое деревню мнѣ сиротѣ твоему они дали, и въ томъ на меня сироту поручную запись взяли, что мнѣ сиротѣ тою деревнею самому владѣть и твои государевы подати и мірскіе поборы платить Стрѣлицкіе волости съ крестьяны вридь. И тое мнѣ деревни Иванчевицы ни продать, ни заложить и безъ жильца впускъ не покинуть, и въ міръ не отказать“.

²⁾ Р. И. Б. XIV, 366, 400, 412.

³⁾ Пр. Д. 1554 -1635, л. 3, 11; 1624 № 8; 1644 № 31; 1650 № 30.

путем сдѣлозъ по нѣсколькимъ рукамъ, когда вотчикъ требовалъ ея возвращенія, а покупатели отказывались ее возвращать, такъ какъ въ противномъ случаѣ потеряли бы заплаченныя за нее деньги. Это временное свое право на покинутыя деревни или пустоши волость осуществляла подъ вліяніемъ тѣгла, изъ желанія найти въ новомъ сочленѣ сотрудника по несенію повинностей, облегчающаго своимъ участіемъ бремя остальныхъ волощанъ, а не ради какихъ либо самостоятельныхъ внутреннихъ интересовъ міра. Право на покинутые участки принадлежитъ волости именно какъ единому цѣлому, въ которомъ всѣ члены имѣютъ равенство участія, а не какъ товариществу, не какъ совокупности неравныхъ по величинѣ долей. Поэтому, въ распоряженіи покинутыми участками волость выступаетъ съ признаками поземельной общины.

Въ другихъ случаяхъ общинное владѣніе волости еще ярче. Волость владѣтъ общими, всей волости, какъ цѣлому, какъ общественному союзу принадлежащими угодьями. Было нѣкогда время, когда на входящія въ границы волости и никѣмъ въ частности незанятая земля простиралась власть міра и когда волость неограниченно распорикалась ими, не зная надъ собою никакого высшаго контроля. Факты такого распоряженія можно встрѣтить еще и въ XVII вѣкѣ. Такъ напр., 30 марта 1604 г. сотскій, десятскіе и всѣ крестьяне Шведеницкой волости „дали въ домъ великому Чудотворцу Миколѣ и преподобному Симеону ко храму поженку Маслянку на рѣкѣ на Ковшенгѣ въ Шведеницкой волости“¹⁾. 25 марта 1617 г. староста и всѣ волостные люди Никольскаго Пудожскаго погоста „дали Палеостровскаго монастыря игумену Іосифу съ братіей въ томъ же Никольскомъ въ Пудожскомъ погостѣ на черномъ лѣсу на Рагнукѣ рѣкѣ государевой земли и воды подъ мельницу на всѣ на четыре стороны отъ мельницы по 30 сажень“²⁾. Но въ XVII вѣкѣ идея о принадлежности никѣмъ не занятыхъ земель государству прочно укоренилась, и государство распоряжается ими и жалуетъ ихъ поверхъ и помимо волости. Волость владѣтъ пахотными землями, угодными, лугами, лѣсами, выгонами, рыбными ловлями, принадлежащими ей, какъ общественному цѣлому и находящимися въ общественномъ пользованіи; но эти общеволостныя угодья заносятся въ писцовую книгу, какъ казенныя, состоящія въ пользованіи волости изъ оброка. Такія общеволостныя угодья отводятся къ волости писцами. Такъ, волость Лузская Пермца Сольвычегодскаго уѣзда, состоявшая въ 1620 г. изъ 177 деревень и починовъ съ 440 крестьянскими дворами и дѣлившаяся на нѣсколько все болѣе обособлявшихся приходовъ, снимала на оброкъ у казны громадную площадь съ лѣсами и рѣками, съ рыбными ловлями, бобровыми гонами и разными лѣсными промыслами. Писцовая книга изображала эти угодья такими словами: „Лузскіе Пермцы всея волости за крестьяны на оброкѣ рыбная ловля и бобровые гоны половина рѣчки Красные, да половина рѣчки Кодры, да половина

¹⁾ Р. И. Б. XIV, 165.

²⁾ *Е. Барсовъ*, Палеостровъ. Чт. О. И. Д. Р. 1868 г. кн. I, стр. 128.